

Разве Ань Цзэ вовсе не холоден с виду, а на самом деле человек крайне расчетливый? И теперь все эти его действия — лишь попытка намеренно подразнить его, вывести из себя, чтобы спровоцировать на ответный удар? Чтобы потом Ань Цзэ мог пойти пожаловаться отцу и вышвырнуть его вместе с этой его «матушкой-змеей» из семьи Ань?

Хотя логика Шэнь Хуачу в этот момент слегка хромала — вряд ли нормальный человек станет провоцировать кого-то подобным образом, — остановить полет фантазии Шэнь Хуачу уже было невозможно. В голове Шэнь Хуачу крутилась лишь одна мысль: черт возьми, если вдуматься, от этого просто мороз по коже!!! Как же страшно!!!

В тот самый момент, когда воображение Шэнь Хуачу разыгралось не на шутку, в глазах Ань Цзэ на мгновение мелькнуло недовольство. Он глядел на Шэнь Хуачу, который упорно смотрел себе под ноги, а его вторая, свободная рука слегка сжалась в кулак. Ему не нравилось, что Шэнь Хуачу витает в облаках в его присутствии и думает о чем-то постороннем — абсолютно не нравилось, более того, это вызывало у него отвращение! Он должен был вернуть Хуачу к реальности, заставить смотреть только на себя! С таким властным намерением Ань Цзэ сжал руку еще крепче. Он старательно рассчитывал силу: хватка была не сказать чтобы слабой, но и не слишком тяжелой — как раз в самый раз, чтобы выдернуть погруженного в раздумья Шэнь Хуачу обратно в реальность.

Заметив, что Шэнь Хуачу пришел в себя, Ань Цзэ вовремя улыбнулся, прищурился и тихо произвел:

— Раз уж Хуачу молчит, старший брат сочтет это за согласие.

Шэнь Хуачу: «.....» Пока я тут обдумывал пути отступления, что вообще произошло?

Спустя пару секунд пришедший в себя Шэнь Хуачу посмотрел на стоявшего перед ним Ань Цзэ, думая про себя: «Нет-нет-нет! Мне есть что сказать! Вообще-то я внутренне протестую!» В глубине души воображаемый человечек Шэнь Хуачу закрыл уши руками, пытаясь прикинуться глухим, и ему оставалось только мысленно кричать: «Я ничего не слышу, не слышу, не слышу!» Однако всё это происходило лишь в его голове — наяву он не мог вот так просто взять и проигнорировать всё отказом.

К тому же Шэнь Хуачу уже твердо решил для себя, что непременно должен довести задание до конца. Он решительно настроился и дальше строго следовать раннему образу «Шэнь Хуачу», послушно разыгрывая положенный сюжет. А что там вздумалось главному герою Ань Цзэ — его вообще не касается. К тому же... что бы ни замышлял Ань Цзэ, к нему самому это вряд ли имеет хоть какое-то отношение, верно?

Едва эта последняя мысль промелькнула у него в голове, Шэнь Хуачу смутно почувствовал... что ляпнул что-то из ряда вон выходящее.

□.....□ Слушая невольные мысли Шэнь Хуачу, Система впала в исступление: Хост, умоляю, не ставь себе сам случайные флаги!

.....

— Кстати говоря, брат так и не занялся главным делом. — Крепко сжав руку Шэнь Хуачу, чтобы тот вдруг не вздумал ее выдернуть, Ань Цзэ потянул его за собой вперед. — Пойдем, Хуачу, брат покажет тебе дом семьи Ань. В конце концов, Хуачу предстоит жить здесь постоянно. — Сказав это, Ань Цзэ, неизвестно за какую струнку задетый, вдруг радостно улыбнулся.

Шэнь Хуачу: «.....» Его непроизвольно передернуло от макушки до пят. Чертов главный герой, а ты в курсе, что этот твой смех звучит жутко?!

Покорно позволяя Ань Цзэ тащить себя за руку, Шэнь Хуачу был вынужден подчиняться требованиям сюжета и заданного амплуа: он не мог ни вырвать руку, ни выразить отказ голосом, так что в конце концов ему оставалось только послушно плестись следом...

Шагая вперед и прислушиваясь к холодному, но таящему скрытую нежность голосу Ань Цзэ, Шэнь Хуачу то и дело ловил себя на том, что его внимание переключается на самого Ань Цзэ. Из-за этого он даже не мог нормально отыгрывать сюжет — изображать положенную по роли жадность, зависть и жгучую ревность!

Семья Ань и правда оказалась баснословно богатой. Этот роскошный особняк был даже чуточку больше того особняка семьи Шэнь, в котором Шэнь Хуачу жил в первом мире. Конечно, размеры дома семьи Ань волновали Шэнь Хуачу меньше всего. Самое главное заключалось в том, что Ань Цзэ тащил его за собой, постоянно останавливаясь и делая круги — создавалось полное впечатление, что он вознамерился обойти с ним весь особняк целиком.

Они шли, шли, и когда парочка намотала уже полкруга, Шэнь Хуачу устал. То ли усталость была моральной, то ли физической, но факт оставался фактом — он выдохся! Ему отчаянно хотелось где-нибудь присесть и отдохнуть, но нельзя же. Погодите-ка, почему свет вокруг стал каким-то тусклым? Шэнь Хуачу поднял голову к небу и с удивлением понял, что дело вовсе не в глазах — небо действительно уже потемнело. Возникал закономерный вопрос: сколько же времени Ань Цзэ таскал его за собой?!

Шэнь Хуачу не знал точного времени, но мог примерно прикинуть его про себя. Подумать только: они бродили с самого полудня до наступления темноты, так что, как ни крути, прошло уже несколько часов, верно?

Шэнь Хуачу: «.....» Окинув взглядом еще не пройденную впереди дорогу, он мысленно зарыдал.

Ань Цзэ неотрывно следил за настроением Шэнь Хуачу. Даже когда тот пытался скрывать эмоции, Ань Цзэ все равно замечал перемены, не говоря уже о том, что только что он отчетливо видел, как Шэнь Хуачу безо всякой задней мысли запрокинул голову к небу. Озадаченно подняв взгляд на небо, Ань Цзэ почувствовал, как его приподнятое настроение вдруг резко упало и заledenело: стемнело...

Однако Ань Цзэ все еще хотел продолжить прогулку с Шэнь Хуачу, вот только времени уже не оставалось...

Ань Цзэ и сам не понимал почему, но ему безумно хотелось находиться рядом с Шэнь Хуачу. Подобное ощущение наполняло его странным чувством полноты, словно некая пустота в его груди наконец заполнилась. Из-за этого ощущения Ань Цзэ еще сильнее не хотел расставаться с Шэнь Хуачу. Хотя он понятия не имел, откуда взялись эти мысли, Ань Цзэ был твердо уверен: такое чувство не могло быть обманом зрения или случайностью. Он думал, что между ним и Шэнь Хуачу определенно существует какая-то связь, просто он ее пока не помнит. Впрочем, неважно — рано или поздно он выяснит, какая именно «связь» связывает его с Шэнь Хуачу.

— Хуачу, уже темнеет, давай я сначала провожу тебя в твою комнату. Жаль только, что мы не успели все обойти, — произнес Ань Цзэ и с легким вздохом изобразил крайнее сожаление. Но тут же быстро взял себя в руки, и на его лице вновь появилась едва заметная улыбка. — Ничего страшного, завтра мы сможем продолжить. Тогда у нас будет куда больше времени на знакомство с домом, и не придется спешить, как сегодня.

Шэнь Хуачу: «.....» Сейчас его внутренний мир рушился! Черт возьми, главный герой, нельзя ли выражаться как-то иначе?! У тебя вечно «завтра», «в следующий раз», «позже»... Неужели ты думаешь, что после сегодняшнего дня у нас вообще будут какие-то контакты?!

.....

.....

.....

Ладно, твоя взяла, пусть контакты будут, и что с того?! погоди у меня, кроме сюжета — везде и всюду буду обходить тебя стороной!!!

.....

Послушно позволяя вести себя за руку, Шэнь Хуачу неотступно следовал за Ань Цзэ. Сам он понятия не имел, куда они пришли: они просто шли, шли, и вдруг перед ними предстали обнимающиеся мужчина и женщина. Мда, женщина — это та самая его «матушка-змея», а мужчина — родной отец Ань Цзэ, то есть его отчим.

Выражение лица Ань Цзэ тут же стерлось, вновь став беспристрастным. Крепко сжимая руку Шэнь Хуачу, он подошел к этой парочке, равнодушно кивнул отцу и уже собирался увести Шэнь Хуачу прочь.

Однако матушка-змея... ой, то есть по привычке назвал так про себя... эту матушку-змею звали Ли Мэй.

Так вот, Ли Мэй неожиданно преградила путь Ань Цзэ и Шэнь Хуачу. Ее взгляд замер на их сцепленных руках; глаза на мгновение сузились, но она тут же взяла себя в руки. Улыбнувшись Ань Цзэ и Шэнь Хуачу, она, сколь бы яростно ни скрипела зубами в глубине души, изобразила на лице ласковую и теплую, как весенний ветерок, улыбку:

— Хуачу, судя по всему, вы с братом отлично ладите.

Ань Цзэ бросил на Ли Мэй мимолетный взгляд и тут же отвел глаза. Ничего не ответив и отделавшись легким кивком, он продемонстрировал полное пренебрежение к ее присутствию, лишь сильнее сжав руку Шэнь Хуачу, потому что тот как раз попытался высвободиться.

Стараясь не делать резких движений, Шэнь Хуачу тянул руку раз за разом. Разумеется, он прекрасно заметил недовольство в глазах своей матушки-змеи из этого мира — ему нужно было срочно разорвать дистанцию с Ань Цзэ! Ведь изначальная цель этой женщины, Ли Мэй, заключалась в том, чтобы взять с собой глупого сына и использовать его в войне против мужа и ребенка от первого брака. И что в итоге? Ее «глупый сын» не только не оправдал ожиданий, а наоборот, гуляет за ручку, выглядя с тем пацаном донельзя гармонично! Как тут Ли Мэй не взбеситься?!

Если Ли Мэй решит, что от него нет никакого толку, и вздумает от него отказаться, его ведь просто вышвырнут отсюда. От одной мысли о таком повороте сюжета становилось ясно, что всё кончено... А нет... точнее, всё точно полетит к чертям!

Шэнь Хуачу запаниковал: черт побери, главный герой, разжми руку! Ты же только что говорил, что хочешь весело проводить со мной время в будущем? Если ты сейчас же не отпустишь меня, никакого будущего у нас не будет!

То ли Ань Цзэ действительно услышал внутренний крик Шэнь Хуачу, то ли еще что, но он внезапно замер, обернулся к Шэнь Хуачу и постепенно разжал ладонь.

70 | Третий белый лотос

Ась...та? Хватка Ань Цзэ ослабла?

Поняв это, Шэнь Хуачу тут же ловко и быстро вытянул руку, подбежал к Ли Мэй и громко позвал:

— Мама!

Увидев это, Ли Мэй почувствовала, как скопившееся на дне души удушливое раздражение немного отступило. Успокоившись, она вернула себе способность нормально соображать. Опустив взгляд — отец Ань всё еще был здесь, так что ей приходилось играть роль любящей матери, — она посмотрела на Шэнь Хуачу мягким взглядом, а в самой глубине ее глаз

зашевелились расчетливые мысли.

После развода с первым мужем она быстренько спихнула сына на попечение чужих людей. Изначально Ли Мэй вовсе не планировала забирать этого мелкого обузу к себе, но планы, как назло, изменились быстрее, чем она ожидала. Она встретила человека — отца Ань. В процессе общения они приглянулись друг другу. Тогда она еще не знала о положении отца Ань и поначалу даже не помышляла о замужестве, пока в какой-то беседе случайно не узнала от посторонних о его статусе. Вот тогда-то она и приняла твердое решение непременно выйти замуж в семью Ань.

Ли Мэй прекрасно знала себе цену. Выходя замуж за отца Ань, она руководствовалась исключительно его деньгами. Отец Ань был старше ее больше чем на десять лет, и Ли Мэй планировала дожидаться его смерти, чтобы завладеть всем состоянием...

Вот только сколь бы прекрасен ни был этот план, на пути возникло одно препятствие — ребенок, рожденный отцом Ань от покойной первой жены. До тех пор, пока существовал этот ребенок, наследство вряд ли досталось бы ей — точнее, оно точно бы ей не досталось. Поначалу Ли Мэй думала, что, перебравшись в дом мужа, сможет постепенно расправиться с отпрыском прежней жены. Но она слишком боялась всплытия правды: что делать, если отец Ань все узнает? И тогда Ли Мэй наконец вспомнила о том самом ребенке, которого она «отдала на воспитание чужим людям».

У нее зародился коварный замысел: она могла бы как следует «воспитать» собственного сына, а затем заставить его устранить эту преграду. Даже если в конце концов отец Ань все выяснит, она всегда сможет выставить этого ребенка козлом отпущения и отказаться от него. А если всё пройдет успешно — тем лучше. Конечно, финал этого ребенка в любом случае предполагал отречение со стороны «убитой горем и невыносимо страдающей» матери: выжав из него все соки ради собственной выгоды, она заслужила бы тем самым жалость и любовь отца Ань.

По сути, Ли Мэй просто не испытывала к этому сыну никаких материнских чувств. Однако как ни крути, а этот мальчишка был плотью от ее плоти. Ли Мэй могла примерно догадываться, о чем думает Шэнь Хуачу — не о том ли, что он до смерти зашуган бедностью? К тому же перед отправкой в машине она дала ему наказ: «Хорошо играй со старшим братом, не зли его» и всё в таком духе. Наверное, Шэнь Хуачу испугался, что она рассердится и выгонит его, вот и послушался ее указаний — стал ладить с Ань Цзэ...

.....

Поразмыслив над этим, Ли Мэй сочла ситуацию несколько хлопотной. Эх, этот инструмент пока еще слишком туп, вряд ли она сможет пустить его в ход прямо сейчас. Похоже, придется его как следует пошлифовать и поднатаскать, чтобы он превратился в тот клинок, который ей нужен.

Надо отдать должное актерскому мастерству Ли Мэй: буря эмоций бушевала лишь у нее в душе, в то время как на лице не отражалось ни единого движения. Она продолжала смотреть

на Шэнь Хуачу ласковым взглядом и даже протянула руку, чтобы нежно откинуть со лба сына черную прядь волос.

— Какой же Хуачу у меня послушный, — проворковала она.

Закончив говорить, Ли Мэй слегка согнулась в поясе и представила мальчика:

— А Хуачу знает, кто этот старший брат? Он сыночек твоего папы Аня.

— Угу, — кивнул Шэнь Хуачу.

Ли Мэй собиралась сказать еще что-то, но Ань Цзэ резко прервал ее:

— Хватит, Хуачу устал, я должен проводить его в комнату.

Улыбка на лице Ли Мэй застыла. Быстро взяв себя в руки, она отступила на шаг, отпуская Шэнь Хуачу, повернулась к Ань Цзэ, слегка улыбнулась и тихо произнесла:

— Тогда побеспокою Сяо Цзэ.

Ань Цзэ пропустил эти слова мимо ушей. Не удостоив ответом ни единую реплику Ли Мэй, он сделал несколько шагов вперед, схватил стоявшего перед ней Шэнь Хуачу за руку и развернулся без единой заминки. Уходя, он бросил на Ли Мэй косой взгляд уголком глаза, хотя по-прежнему хранил молчание.

То ли нервы Ли Мэй были чересчур обостренны, но ей почему-то показалось, что в этом мимолетном взгляде Ань Цзэ читалось абсолютное презрение и насмешка! От этой догадки опустившая глаза и скрывшая истинные эмоции Ли Мэй едва не до крови сжала ладони в кулаки. Успокоив бурю внутри, она чуть приподняла голову и вперилась взглядом в удаляющиеся спины Ань Цзэ и Шэнь Хуачу, не в силах сдержать мрачную темноту во взгляде.

Как назло, в этот самый момент Ань Цзэ внезапно обернулся и поймал выражение лица Ли Мэй.

Вздрогнув от неожиданности, Ли Мэй торопливо опустила глаза, избегая его взгляда. Когда же она спрятала темные эмоции на дне души и вновь подняла голову, Ань Цзэ уже отвернулся и вместе с Шэнь Хуачу скрылся за поворотом.

.....

Крепко держа Шэнь Хуачу за руку, Ань Цзэ сделал несколько поворотов, миновал длинный

коридор и наконец остановился перед дверью одной из комнат:

— Хуачу, это твоя комната.

Остановившись вместе с ним, Шэнь Хуачу услышал эти слова и окинул взглядом окружающую обстановку. Покрутив головой туда-сюда, он испытал внутреннее недоумение: почему здешняя отделка, да еще и вазы... погодите-ка, вазы ростом с полчеловека?! Разве бывают вазы таких размеров?! Почему ему кажется, что описание жилья «Шэнь Хуачу» в оригинальном тексте выглядело совершенно иначе? Он что, перепутал всё в памяти или тут действительно что-то не так?

Ань Цзэ уже шагнул внутрь и, заметив, что Шэнь Хуачу по-прежнему мнетя на пороге, окликнул его:

— Хуачу, заходи.

Погруженный в воспоминания о сюжетных деталях Шэнь Хуачу мгновенно вынырнул из раздумий. Покачав головой, он тяжело вздохнул: ладно, сначала зайду, а там разберемся. Даже если сюжет здесь дал трещину и жилье оказалось другим, вряд ли это катастрофа — подума подумаешь, сменилось место проживания.

Войдя внутрь, Ань Цзэ снова ухватил Шэнь Хуачу за руку — словно боялся, что тот сбежит. Обойдя с ним всю комнату по кругу, он поинтересовался:

— Хуачу, теперь ты будешь жить здесь. Тебе нравится?

Не дожидаясь ответа, Ань Цзэ добавил:

— Если не нравится, я могу попросить людей заменить мебель и декор.

Шэнь Хуачу бросил пару беглых взглядов по сторонам и, опустив веки, равнодушно кивнул. Жилье везде плюс-минус одинаковое, лишь бы не тесно и не разведено свинарника — и ладно. Требований к быту у него не было, нравилось ему тут или нет — тоже особо не волновало. Что же до предложения Ань Цзэ сменить мебель, то Шэнь Хуачу счел это слишком хлопотным делом и даже думать не стал — сразу решил отказаться.

Раз уж они наконец добрались до комнаты, Шэнь Хуачу посчитал, что самое время Ань Цзэ отправляться восвояси, и уставился на него, пытаясь передать эту мысль взглядом.

Ань Цзэ в ответ тоже уставился на Шэнь Хуачу, испытывая легкое разочарование в душе. Он вовсе не хотел уходить! Знал бы — шагал по коридору еще медленнее!

В конце концов Ань Цзэ не выдержал упорного взгляда Шэнь Хуачу, поднялся с места и с видимым огорчением направился к выходу. У самой двери он, будто вспомнив что-то, обернулся:

— Хуачу, ты ведь, кажется, еще не знаешь дорогу в столовую? Я зайду за тобой к ужину.

Шэнь Хуачу: «.....»

Видя, что Ань Хуачу уже почти перешагнул порог, Шэнь Хуачу вдруг встрепенулся и окликнул его:

— Постой!

Ань Цзэ мгновенно развернулся с лицом, полным ожидания:

— Хуачу, что такое?

— А мои вещи? — Прежний дом выглядел бедно, и ценного скарба в нем не наблюдалось, да и тащить его в эту обитель «баснословной роскоши» казалось бессмысленным. И все же то жилище выглядело полупустым, так что какие-то вещи у него определенно имелись.

— — Этот мусорный багаж важнее него самого? Ради него его даже окликнули! Почему Хуачу не сказал, что боится одиночества, а потому хочет, чтобы он остался составить ему компанию? Вот такой повод прозвучал бы куда естественнее!

□.....□ Этот повод прозвучал бы куда менее естественно, ты серьезно вообще?! — пронеслось в голове у Системы.

Ань Цзэ тихо произвел:

— Наберись терпения, Хуачу, твои вещи скоро доставят.

— О, я понял, — отозвался Шэнь Хуачу. — Спасибо, братишка.

Нехотя развернувшись, Ань Цзэ продолжил путь к выходу. Дойдя до двери и не услышав позади окрика Шэнь Хуачу, он понял, что задержаться не удастся, поэтому зашагал быстрее, мысленно настраиваясь на то, что скоро вернется за Хуачу к ужину.

.....

«Система, тебе не кажется, что с моим нынешним жильем что-то не так?» — едва Ань Цзэ скрылся из виду, Шэнь Хуачу тут же повернулся к Системе и озадаченно зашептал: «Помню,

описание в оригинальном сюжете и то, где я сейчас нахожусь... ну совсем не совпадают! Я что, перепутал сюжет и всё напутал?»

□.....□ Система молчала. Ты запомнил только это? А помнишь ли ты, как описывались комната Ань Цзэ и ее окрестности в сюжете после наступления Апокалипсиса, перед тем как главный герой сбежал из дома семьи Ань? Обратившись к своему хосту, Система молча выкинула наружу Книгу сюжетных заданий. Я ничего не буду объяснять, читай сама.

Шэнь Хуачу: «.....» Вспыхнул белый свет, и прямо перед ним материализовалась книга. Шэнь Хуачу вытянул ее из светящегося шара, наугад раскрыл где-то посередине, а затем внимательно полистал пару страниц, сопоставляя прочитанное с воспоминаниями о сюжете. Закончив чтение, Шэнь Хуачу понял: память его не подводила — комната, в которой он должен был жить по сюжету, действительно отличалась.

Скучающе переворачивая страницы Книги заданий, Шэнь Хуачу вдруг поймал мимолетную вспышку озарения: ему показалось, будто он ухватил какую-то важную мысль, но вспомнить ее никак не удавалось. Помучившись с добрых полминуты и не добившись результата, он лишь растрогал себе душу. Обозленно хлопнув страницами Книги сюжетных заданий, он решил идти до конца — ему непременно нужно было вспомнить, иначе на душе оставался противный скребущий осадок. Погрузившись в глубокие раздумья, Шэнь Хуачу устался в одну точку.

□Хуачу, кто-то идет. Двигается в твою сторону, будет здесь через пару минут,□ — внезапно подала голос Система, прерывая его попытки сосредоточиться.

Шэнь Хуачу торопливо захлопнул книгу и запихнул ее обратно в световой шар, который мгновенно растворился в воздухе. Сам же он принял расслабленную позу отдыхающего, ожидая гостя.

И действительно, как и предупреждала Система, ровно через три минуты появилась женщина — та самая матушка-змея Шэнь Хуачу из этого мира, Ли Мэй.

Слегка нахмурившись, Шэнь Хуачу уставился на нее: зачем это матушка-змея заявила к нему в комнату?

— Хуачу, мне нужно с тобой поговорить, — Ли Мэй подошла к нему вплотную.

— Мам, я слушаю, — отозвался Шэнь Хуачу.

— Мама хочет спросить тебя: ты действительно любишь старшего брата из семьи твоего папы Аня? — прямо выложила свою цель Ли Мэй.

Шэнь Хуачу посмотрел на нее невинными, распахнутыми глазенками — так, словно вообще не понимал, о чем речь. Он пару раз моргнул, явно намереваясь замять этот вопрос. Он пытался

затуманить восприятие Ли Мэй: когда человек сталкивается с чем-то наполовину непонятным, его мозг склонен сам домысливать желаемый результат. Более того, именно так поступал «Шэнь Хуачу» в оригинале, когда сталкивался с неудобными вопросами.

Ли Мэй попала на удочку и послушно выдала себе желанную догадку.

<http://bllate.org/book/21677/2236172>